

вала данный образ для своих целей, вложив в него символический смысл. Евсевий сообщает, что Константин велел изобразить себя на картине, украшавшей Халку императорского дворца, в виде победителя над драконом (из контекста неясно, как был представлен Константин — стоящим или сидящим на коне).¹ Из письма того же Евсевия к Константину явствует, что под драконом в те времена подразумевалось язычество: „Теперь восстановлена свобода, и промыслом всемогущего и всеблагого бога сокрушен дракон“.²

Изображения конных „святых“ были особенно популярны в коптском искусстве.³ Среди почитаемых коптами драконоубийц чаще всего встречается Феодор. Повидимому, образ Феодора и лег в основу образа борющегося со змием Георгия. Это доказывает и житие Феодора Тирона, древнейшая письменная редакция которого датируется 890 г.⁴ Здесь рассказывается о том, как он освобождает от власти дракона город Евхаит. В житиях Феодора Стратилата, зафиксированных в рукописях XI—XII вв., фигурирует то же чудо с драконом, причем Феодор предупреждает об опасности женщина по имени Евсевия.⁵ Повидимому, знаменитое „Чудо со змием“ явилось не чем иным, как литературной переработкой этих эпизодов, которые оказались связанными с именем Георгия.⁶ Стремясь ввести в число „святых“ еще одного конного воина, агиограф IX (?) в. создал нового драконоубийцу, в результате чего мученик был посажен на коня и в руки ему вложено было копье. Так, повидимому, возник образ сражающегося со змием Георгия, который в дальнейшем вытеснил все другие иконографические типы.⁷

Древнейшие изображения Георгия-драконоубийцы встречаются в Каппадокии, иначе говоря, в той области, с которой связан культ великомученика. Среди росписей пещерных храмов Каппадокии образ Георгия-драконоубийцы фигурирует неоднократно (самые ранние примеры — 6-я капелла в Гереме, кон. IX—нач. X в.; 28-я капелла ок. Каранлек Килиссе — XI в., рис. 10; церковь св. Варвары в Соганле, нач. XI в., рис. 11).⁸ В росписи 28-й капеллы, как и на

из Керчи с изображением Константина II (L. Matzulewitsch. *Byzantinische Antike*, Berlin—Leipzig, 1929, табл. 23), а также более поздний диптих Барберини в Лувре (A. Grabar. *L'empereur dans l'art byzantin*, p. 48—50, табл. IV).

¹ Eusebios. *Vita Constantini*, lib. 3, cap. 3, ed. L. Dindorf, Leipzig, 1867.

² Цитирую в переводе И. Снегирева (Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. III, Москва, 1838, стр. 67).

³ G. Duthuit. *La sculpture copte*, Paris, 1931, табл. XV, XVI. Ср. J. Clédat. *Le monastère et la Necropole de Baouit*. Le Caire, 1904—1906, табл. LV, LVI; J. Strzykowski. *Der koptische Reiterheilige und der hl. Georg*. „*Zeitschr. f. ägypt. Sprache*“, 1903 (XL), S. 49.

⁴ H. Delehayе. *Les legendes grecques des saints militaires*, p. 127. Ср. W. Hengstenberg. *Der Drachenkampf des heiligen Theodor*. *Oriens Christianus*, 1912 (II), S. 78—106, 241—280.

⁵ H. Delehayе. Ук. соч., стр. 137.

⁶ Ср. J. Aufhauser. Ук. соч., стр. 238—239, 243.

⁷ И. Мысливец (Ук. соч., стр. 374) склонен думать, что развернутое „Чудо о змии“ (с царевной и ее родителями) имеет иной источник, чем простое изображение Георгия-драконоубийцы, в котором его восседающая на лошади фигура дана лишь в сопровождении змия. Для первого типа он принимает литературный источник XII—XIII вв., второй же тип он рассматривает как исторический (sic!) либо символический. Мы никак не можем согласиться с такого рода гипотезой. В основе обоих типов должен лежать единый литературный источник, но только в двух разных редакциях — более простой и более сложной. Более простая редакция возникла не позднее IX в., более сложная — не позднее XI столетия.

⁸ G. de Jerphanion. *Les églises rupestres de Cappadoce*, I, p. 97; p. 482, 608, табл. 135—1; II, p. 322—323, табл. 187—2. Георгий-драконоубийца неоднократно встречается и в более поздних каппадокийских росписях. См. G. de Jer-